

УДК 329.78:070

«Я ХОЧУ БЫТЬ КИНОАРТИСТКОЙ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ДИСКУССИИ (1929 ГОД)¹

А. Ю. Рожков

Кубанский государственный университет, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
avro14@mail.ru

Описывается и интерпретируется детское коммуникационное пространство читателей журнала «Пионер», а также использование этого медиа в конце 1920-х гг. на примере дискуссии на тему «Кем я хочу быть?».

Ключевые слова: советское детство, журнал «Пионер», детские интересы и идеалы.

Журнал «Пионер» как актер коммуникации (вместо введения)

Отталкиваясь от идеи рассмотрения категории поколения как ключевого понятия истории [Ортега-и-Гассет, 2000, с. 268] и пытаясь понять культурные коды советского общества и механизмы функционирования его коммуникационных пространств, я счел необходимым обратиться к культурной истории первого советского поколения. Под ним мною понимается прежде всего младшая возрастная когорта пионеров и школьников 1920–1930-х гг. (не ранее 1912–1920 и последующих годов рождения), у значительной части которой советская самоидентификация обнаруживается уже в школьные годы.

В отличие от малограмотных селян, для которых пропагандисты организовывали «громкие читки» газет, более грамотные дети проявляли повышенную читательскую активность. Читая детские книги, газеты и журналы, дети нередко становились «лидерами мнений» и «агентами влияния», ретранслируя родителям прочитанный материал. Это еще не являлось признаком нарождавшейся префигуративной культуры [Мид, 1988, с. 322–324], но свидетельствовало о межпоколенческом разрыве, характерном для переломных эпох. Об одной из сторон разрыва поколений писал Е. Добренко: семья в довоенном СССР в отличие от семьи (городской) дореволюционной утратила свою «читателеформирующую» роль, в результате чего нормирующе-контрольную функцию культурно-идеологического центра традиционно приняла на себя школа [Добренко, 1997, с. 137–138]. Соратником школы в процессе «формовки» нового человека выступали молодежные коммунистические организации и их печатные органы – журналы «Юные товарищи», «Барабан», «Ёж», «Чиж», «Дружные ребята», «Воробей», «Новый Робинзон», «Пионер» и др. [Алексеева].

Журнал «Пионер» рассматривается мною как «действующее лицо» в детском коммуникационном пространстве. Через этот медиатор устанавливались социальные связи между детьми, между детьми и журналом, между детьми и значимыми взрослыми, создавались разветвленные сети общения и солидарности. Особенно ярко это проявилось в 20-е гг., когда в журнале существовали дискуссионные рубрики «Бумеранг» (стенгазета деткоргов «Пионера») и «Хочу переписываться» (почтовый ящик для межличностной коммуникации). В те годы страницы журнала превращались в дискуссионную площадку на злободневные темы: «Кем я хочу быть?», «Как выйти в люди?», «Почему я не пионер?», «Какая дружба нам нужна?», «Об альбомах?» и др. Журнал постепенно увеличил тираж в семь раз – до 70 тыс. На самом деле читателей журнала среди детей было намного больше. О популярности журнала в детской среде говорит ходившая в 20-е гг. присказка: «У каждого свой вкус, своя манера, но каждый, кто безус, читает “Пионера”».

«Мне не с кем посоветоваться»

В январе 1929 г. в журнале «Пионер» развернулась дискуссия на тему «Кем я хочу быть?» [Пионер, 1929]². Поводом к дискуссии послужило письмо пятнадцатилетней пионерки из Барнаула Шуры Климовой: «В этом году я кончаю семилетку, и мне хотелось бы учиться дальше. Но у моих родителей нет средств на то, чтобы я училась дальше. <...> Отец хочет, чтобы я поступила куда-нибудь в учреждение. Но мне не хочется, потому что сидеть в канцелярии и писать скучные бумажки мне неинтересно. Потом мне надоел наш город. <...> Живем мы не очень хорошо: то того не хватает, то другого. Иногда мне очень жалко моих родителей и двоих братьев – хочется им помочь, но пока не могу, и если останусь тут, то тоже плохая будет от меня помощь, ввиду маленько-

го жалованья. <...> Я хочу быть киноартисткой. У меня есть к этому большие способности, об этом мне многие говорили... На фотографии я тоже всегда выхожу хорошо, и руководитель живгаза говорит, что у меня лицо фотогеничное... Киноартисткой я хочу быть по двум причинам: мне это очень нравится, и я буду известной во всем мире и буду лучшей киноартисткой нашего Советского Союза, а потом киноартисты получают много жалованья. Я читала, что Мэри Пикфорд³ получает около двух миллионов долларов в год. Если бы я получала столько, то половину или даже больше я бы отдала на дело индустриализации нашего СССР. А потом бы я купила небольшой дом с хорошей обстановкой и взяла бы туда всю нашу семью, потому что папа с мамой скоро будут старыми и им нельзя будет работать, а братья будут учиться в вузе. Дома обязательно будут ковры и рояль. <...> В моей комнате будет камин. По вечерам ко мне будут приходить подруги и товарищи моего мужа. Я буду играть на рояли, а гости будут танцевать. Мы будем играть в лото и карты. Я думаю, что в лото и в карты играть не на деньги можно, потому что это интересно и ничего в этом плохого нет. Эх! как я раз мечталась. Еще и киноартисткой не стала, а уже и дом и все покупать собираюсь. Ну, киноартисткой я обязательно сделаюсь и своего добьюсь. <...> С пионерским приветом! Шура Климова» [Кем я хочу..., 1929, с. 15]⁴.

Предельно откровенное, местами почти исповедальное письмо девочки-подростка, которое она писала *редакторам журнала*, потому что ей было «не с кем посоветоваться». Вряд ли Шура могла ожидать мгновенно обрушившейся на нее популярности во всесоюзном масштабе, как и обнародования редакцией своей тайной мечты.

В письме перемежаются трогательная наивность провинциалки и прагматизм представительницы нарождавшегося поколения. Ключевой момент, на который обратили внимание современники Шуры, здесь один – желание девочки в СССР стать актрисой кино и зарабатывать, как американская кинозвезда Мэри Пикфорд. Однако нам видны и другие аспекты. Например, у школьницы из провинциального города практически не было перспектив в биографическом проектировании, потому что родители были неспособны оплачивать дальнейшую учебу в школе II ступени, без окончания которой она не могла поступить в вуз. При этом судьбы мальчиков в семье априори были более счастливыми, чем судьбы девочек, что видно на примере братьев Шуры, которых «ждал» вуз. Судя по письму, родители заранее готовили им прочную советскую карьеру. А конторская служащая Шура, по логике отца, должна была удачно выйти замуж, для чего не требовалось высшее образование. Не ускользнул от нашего «пристального взгляда» и другой нюанс: родители традиционно пытались выстроить жизненные пути своих детей, по старинке определяя, кому и чем следует заниматься. Фантазии девочки относительно дома, обстановки и домашнего досуга оставим без комментариев. Понятно, что это была проекция воображения девочки из бедной семьи, успевшей узнать из газет, журналов и кинематографа о более счастливой жизни. Ее мечты и реальность сплелись в один узел. И вот одним шагом Шура «решает» все свои проблемы сразу – профессиональную, жилищную, финансовую, семейно-брачную. Нет, не такой уж наивной была эта девочка, как могло показаться вначале.

Публикация письма Шуры в пионерском журнале вызвала дискуссионную бурю. Для нас этот казус интересен с точки зрения возможности проникнуть в ментальные «темницы» нарождавшегося поколения «новых людей». Принцип микроистории «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [Медик, 1994, с. 193] оказался в данной ситуации очень востребован. К сожалению, отсутствие источников, особенно локальных, освещающих повседневную жизнь пионерки из Барнаула, не дает возможности выявить множество контекстов, в которые был включен этот случай. Обратим внимание на два социально-исторических контекста, в которых разворачивается драма Шуры Климовой: контекст профессиональных предпочтений подростков и контекст влияния кинематографа на детей в раннесоветском обществе.

Все работы хороши, выбирай на вкус

Письмо Шуры Климовой подводит к необходимости внимательного изучения социальных интересов ее поколения, профессиональных ориентаций подростков 20-х гг. Данный вопрос хорошо обеспечен источниками. Переживавшая динамичный этап своего развития педология оставила богатое наследие в виде множества эмпирических материалов по обследованию детства [Балашов, 2012, с. 182]. К сожалению, опубликованные результаты опросов детей не дают полной картины для обстоятельных интерпретаций. Причин этого несколько: не во всех публикациях отчетов об изучении подробно описаны методические процедуры и приведен исследовательский инструмен-

тарий; как правило, отчеты дают нам только линейную картину, без выявления корреляционных связей; география обследований определяется преимущественно городской местностью Европейской части РСФСР (очень часто это Москва); объектом исследовательского интереса зачастую являются учащиеся экспериментальных школ и площадок системы Наркомпроса. Вместе с тем имеющихся данных вполне достаточно, чтобы получить подробное представление о динамике социальных и профессиональных интересов юного поколения страны Советов. Сошлюсь только на несколько исследований.

Анкетный опрос 1 тыс. школьников г. Орла осенью 1918 г. показал, что большинство респондентов (статистика в источнике не приводится) в будущем планировали стать педагогами, служащими, врачами, преподавателями искусств и т. д. Следующая по количеству группа желала быть артистами (музыкантами, певцами, балеринами), учеными, инженерами, агрономами, техниками, литераторами, военными и моряками. Жизненные проекты третьей группы состояли в том, чтобы стать ремесленниками, зубными врачами, фельдшерами, художниками, поэтами, адвокатами и «замужними женщинами» [Азбукин, 1923, с. 66–67]. Это были типичные для провинциального русского города устремления подростков. Их вектор был направлен в область искусства и в сферу услуг, а не промышленного производства товаров. Стратегия индустриализации страны была не для этого поколения, только входившего в советское общество.

Е.М. Балашов приводит интересные результаты сравнительного анкетного материала обследования трех поколений в г. Весьегонске Тверской губернии (1925). Было опрошено 622 учащихся разных возрастных когорт. Желание заняться в будущем умственным трудом выразили 69% школьников 8–11 лет, 79% учащихся 11–14 лет и 71% школьников II ступени. Физический труд терял своих приверженцев по мере взросления ребят: если в школе I ступени этим трудом хотели заниматься 24% учащихся младших классов и 7% старшеклассников, то никто из второстепенцев уже не оставлял в своих жизненных планах места тяжелому занятию. Вероятно, с взрослением дети начинали осознавать, что физический труд в СССР нерентабелен, благодаря ему не разбогатеешь. А богатыми, судя по опросу 626 респондентов в возрасте 8–13 лет из разных социальных групп в 1924 г., мечтали быть 57,3% школьников I ступени, причем только 2,4% их пытались объяснить свое желание альтруистическими мотивами. Чуть более трети опрошенных (35,9%) дали отрицательный ответ на вопрос «Хотел бы ты быть богатым?», и только каждый десятый из них морально осудил богатство [Балашов, 2003, с. 200, 204–205].

В опросе 1927 г. участвовали 1054 школьника в возрасте от 9 до 17 лет. Очевидно, что социальное происхождение респондентов (67% их являлись детьми рабочих) повлияло на результаты опроса. Только 19,3% опрошенных избрали рабочую профессию. Но даже в этой среде пик желания быть рабочим достигнут в возрасте 12 лет (26%), к 16 годам это желание сохранилось только у 7%, а 17-летние дети рабочих не хотели продолжить отцовский путь. Начиная с 13–14-летнего возраста у подростков в значительной степени развивался прагматизм, более многомерной становилась картина мира. В этом возрасте дети хотели быть врачами, инженерами, летчиками, авиаторами, моряками, агрономами и астрономами. Второй по частоте упоминаний была профессия служащего (16%, 90% их – девочки). Причем желание это усиливалось с возрастом: от 22% в 14 лет до 64% в 17. Девочки были уверены, что «конторская служба не тяжелая, и хорошо платят». В 16 лет 20% опрошенных выбрали профессию врача, 19% пожелали связать свое будущее со сферой искусства (большинство девочек мечтали стать артистками), 7% хотели быть инженерами, 2,5% – педагогами [Одинцова, 1927, с. 13–18].

В контексте данной статьи особый интерес вызывают результаты лонгитюдных обследований учащихся выпускных классов, проведенных П.Н. Колотинским с 1913 по 1926 г. в Екатеринодарской женской гимназии (впоследствии – Краснодарской трудовой школе). П.Н. Колотинский основное внимание уделял мотивам выбора. Возможно, поэтому в отличие от других исследователей он обратил внимание на то, что у большинства опрошенных учеников «будущее желательное» расходится с «будущим вероятным»: «Хочу быть артисткой незаурядной, а буду учительницей» (1913, ж.); «Хочу быть горным инженером, но ведь это невозможно для женщины» (1916, ж.); «Хочу быть знаменитостью; придется учительницей, да, пожалуй, еще и в станице» (1921, ж.); «Я хотел бы быть первобытным человеком, придется быть студентом того вуза, в который удастся поступить» (1926, м.). Желавшие стать знаменитостью, приобрести известность в опросах Колотинского всегда составляли 25–30% в выпускном классе. Артисткой хотели стать в каждой волне опроса 3–4

девочки в классе, кроме 1921 г. (7 человек). Колотинский с пониманием относился к выбору учащихся, желавших прославиться. Он считал, что это свойственно юности, полной сил и дерзаний: «Не будем бросать в нее за это камнем, даже в тех, кто высказывает желание стать знаменитой киноартисткой⁵; жизнь и школа ответственны за это больше, чем сама молодежь» [Колотинский, 1929, с. 116–121].

Опираясь на данные Н.А. Рыбникова, Н.Н. Познанского, А.П. и А.В. Серебренниковых, Н.Д. Левитова и других авторов, Е.М. Балашов делает акцент на культурных различиях в профессиональных интересах русских (советских) и их западноевропейских сверстников, которые он объясняет «своего рода национальной особенностью». Большинство российских школьников в 1910–1920-х гг. неизменно выбирали своей будущей профессией связанную с умственным (интеллигентским) трудом и художественной деятельностью (от более 46% в 1913 г. до свыше 60% в 1923 г.). Вместе с тем всего 8,7% швейцарских школьников в 1911 г. отдали предпочтение умственному труду и искусству. В то же время 48,8% швейцарцев избрали занятия ремеслами, у российских детей этот показатель в пределах 6,2%–10,8% в разные годы. Сопоставимые данные приведены о парижских школьниках в 1917 г. и гамбургских учащихся в 1921 г. [Балашов, 2003, с. 160].

Е.М. Балашов совершенно верно объясняет этот феномен наивностью, мечтательностью российских школьников и большей реалистичностью, практичностью их западных сверстников. Однако почему молодые люди в одной стране на протяжении многих лет ирреальны, а в других странах их сверстники рациональны, из данной трактовки непонятно. Вероятно, мы имеем дело с асимметрией культурных кодов, которая, в числе прочих факторов, может быть следствием национальных различий в школьных программах по чтению. Как доказал в своем исследовании Д. Макклелланд, теории и практики детского воспитания в разных культурах, в том числе школьные хрестоматии с народными сказками и балладами, формируют мотивационные тренды в обществе [Макклелланд, 2007, с. 285–288,]. По коллективным мотивам поведения взрослых в данной культуре можно понять, как были воспитаны дети. В аспекте нашего исследования актуальна идея Д. Макклелланда о связи мотива достижения успеха со степенью экономического развития. Он предположил, что люди с высоким мотивом достижения успеха становятся хорошими предпринимателями. Из этого он выводит две гипотезы-следствия: в странах, где коллективные фантазии направлены на достижение успеха, должно быть много предпринимателей; если общество сосредоточено главным образом на вопросе достижения успеха, это непременно находит свое отражение в народном творчестве [Там же, с. 458–513]⁶.

Обращение к сравнительно-историческим и кросс-культурным исследованиям, бесспорно, может существенно расширить наши представления о различиях в профориентации молодежи разных стран и эпох, однако данный культурологический вопрос выходит за рамки статьи [Карасик, 2005; Рапай, 2008; Мацумото, 2002; Триандис, 2007]. Возможно, перспективным здесь будет применение концепции Г. Хофстеде о существовании двух типов культур – маскулинной и фемининной [Кон И.С., 2009, с. 111]. Я же в этой статье лишь выдвину гипотезу (доказательство ее в мои задачи не входит), основанную на труде Д. Макклелланда: реалистичность профессиональных образований западноевропейских учащихся 1910–1920-х гг. объясняется их высоким уровнем потребности в достижении успеха; соответственно, ирреальность предпочтений российских школьников вызвана низким уровнем потребности в достижении успеха. В отношении российских учащихся раннесоветского периода правомерно выдвинуть также предположение о том, что ведущим мотивом в выборе профессии у них выступал мотив избегания, одно из самых ярких проявлений которого зафиксировано в известной сказке о Колобоке.

Педологические обследования в СССР в 1920-е гг. выявляют изменения в любимых девизах и темах частных разговоров учащихся. По данным П.Н. Колотинского, доля альтруистических девизов, составлявшая в 1916 г. 41%, уменьшилась к 1926 г. почти втрое. Соответственно вдвое возросла эгоистическая направленность девизов учащихся: «лови момент, спеши жить», «бери от жизни всё», «держи момент за хвост». Личные темы разговоров, составлявшие в 1913 г. 45%, в 1926 г. достигли 84%. Если в 1913 г. из указавших свою цель в жизни личные цели преследовали 50% гимназистов, то в 1926 г. – 78% школьников [Колотинский, с. 112–113, 130–132]. Нормализация жизни при нэпе стимулировала следование принципу «хорошо одеться и погулять». Показательно, что только 15% идеалов обладания приходилось на нематериальные устремления учащихся (счастье, свобода и т. д.) и около 70% опрошенных школьников мечтали о собственном благополу-

ции и материальных благах, причём 60% новоявленных «мещан» были детьми рабочих и 10% – детьми крестьян [Рыбников, 1926, с. 63-68].

Претерпело изменения влияние сказок на формирование идеалов обладания, имевшее место в дореволюционном прошлом. Советские школьники уже не желали обладать «жар-птицей», «волшебной палочкой» или другими фантастическими вещами. Они хотели иметь вполне реальное – дом, обстановку, деньги, богатство, одежду, книги и прочие атрибуты благополучия [Родионов, 1929, с. 72]. Однако идеал обладания не тождествен мотиву достижения, потому и пути к обладанию материальными благами оставались все еще фантастическими, навеянными сказкой о Золушке. Девочка пишет в альбоме подруги: «*Фаня! Желаю тебе превратиться в шикарную женщину, найти жениха с хорошим окладом жалования и иметь целый салон для гостей*». По данным В. Смирнова, материальные интересы и стремление к личному счастью особенно преобладали среди интересов девушек. Даже получение образования они рассматривали как экономический капитал: «*образованному лучше жить*», «*учёный человек хорошо живёт*» [Смирнов, 1929, с. 233].

Итак, случай с Шурой Климовой не был единичным явлением. Среди мотивов избрания профессии в опросах Н.А. Рыбникова на первом месте были «мотивы личного характера» (26,5%), на втором месте – мотив «нравится» (25%) и только на предпоследнем, восьмом, месте – «политические мотивы» (2%). По данным Н.И. Иорданского, на первом месте стояли «материальные соображения», на втором – мотив достижения «власти и влияния» и совсем не было мотивов общественного характера (т. е. аффилиации) [Кем хотят быть..., с. 89].

Юные поклонники Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса

Если школа в 20-е гг. оттеснила семью как субъект влияния на подрастающее поколение, то кинематограф, пожалуй, был более авторитетным институтом социализации, чем школа. По крайней мере, кинематограф являлся одним из самых влиятельных факторов определения круга детского чтения. Популярные кинокартины формировали читательский спрос у ребят, и массовые герои кинолент через таинство чтения првратились в персональных для конкретного читателя книжных героев, что зачастую только увеличивало силу их влияния на формирование идеалов и интересов детей. По данным одного исследования читательских интересов (1927) 26% юных читателей библиотек считали кино и театр вторым по степени влияния фактором, формирующим их литературные запросы. Первым фактором они назвали друзей и товарищей (46,5%), третьим – семью (13,2%), улица (12%) занимала четвертое место в этом перечне [Балашов, 2003, с. 209].

П.Н. Колотинский установил, что с 1913 г. по 1926 г. кино занимало ведущие места в рейтинге развлечений краснодарских школьников выпускных классов: в 1913 г. это подтвердили 70% опрошенных (1-е место), в 1916 г. – 72% (1-е место), в 1921 г. – 38% (4-е место после литературных вечеров, балов и театра), 1926 г. – 90% (1-е место). «Казус 1921 г.» в этом плане не показателен, поскольку объясняется условиями юга России в годы Гражданской войны. Тогда были сложности с поступлением новых кинолент, а для учащихся демонстрировались специально отобранные цензурой картины, которые не нравились детям [Колотинский, 1929, с.126–127]. В опросе Д. Азбукина кинематограф совсем немного уступал в рейтинге театру – 70% против 80%, что тоже объясняется условиями 1918 г. [Азбукин, 1923, с. 62–63].

К концу десятилетия ситуация не изменилась. Судя по опросу 2 тыс. московских детей, проведенному в конце 20-х гг. сотрудниками Института методов школьной работы, 83% (по другим данным – 91%) детей регулярно посещали кинотеатры. Исследование детского досуга в 1927 г. тоже показало, что кино является самым распространенным видом детского досуга (40% опрошенных), оставив позади хождение в гости, радиослушание и др. Стоит заметить, что такая же страсть к кинематографу наблюдалась и у зарубежных детей. В Нью-Йорке средняя посещаемость детскиносеансов определялась в 100 тыс. ежедневно. В Вене две трети школьников ежедневно ходили в кино. В Вюртемберге в 1926 г. на 1176 киносеансах бывали 287 019 детей [Лацис, Кейлина, 1928, с. 7–8, 43]⁸.

Среди детей начала распространяться киноманья – так в прессе окрестили феномен безудержной тяги ребят к кино. В 1927 г. все кинотеатры СССР посетили свыше 300 млн зрителей [Крылов, 1928]. Сомнений не вызывает то, что доля детей в этой массе была весомой. По данным Э. Станчинской-Розенберг, 40,6% детей посещали кино 3-4 раза в месяц, 6-7% детей – 10-20 раз в месяц (3-5 раз в неделю). Летом некоторые дети ходили в кино ежедневно [Станчинская-Розенберг, 1927, с. 10]. Похожие данные приводит Институт методов школьной работы: 41% ребят посещают

кино 3-4 раза в месяц, 18% – 5-8, 6% – 10-20. В среднем 23% детей посещали кино сверх нормы [Лацис, Кейлина, 1928, с. 8]. Мальчики посещали кино чаще девочек, завсегдатаями кинотеатров были подростки 13-15 лет. Самая высокая посещаемость детьми приходилась на первые два вечерних сеанса – 18.00 и 20.00 ч. [Гельмонт, 1933, с. 11].

По разным опросам в пятерку самых популярных у детей входили тогда киноленты «Робин Гуд», «Знак Зеро», «Багдадский вор», «Нибелунги» и «Красные дьяволята». За ними шли «Броненосец Потемкин», «Процесс о трех миллионах», «Медвежья свадьба» и др. Хороших советских кинолент было очень мало, прокат был переполнен западными фильмами. Детских фильмов тогда еще не снимали, но с 1928 г. детский репертуар кинематографа стал постепенно переходить под контроль особой комиссии при Наркомпросе. Школа, а не коммерческий кинозал, должна была стать основным местом коммуникации кино и ребенка, но кинематографа не детективно-приключенческого и сентиментально-мещанского, а культурно-воспитательного [Станчинская-Розенберг, 1927, с. 11; Советский школьник..., 1929, с. 44; Дети и кино... с. 22-42; Кино – дети – школа..., 1929, с. 141-161].

Однако загнать детство в жесткие идеологические рамки, придуманные взрослыми, практически нереально. Дети продолжали «болеть» кино, большинство школьников влюблялись в экранных героев, пристально следили за их судьбами и стремились пойти по их стопам. Одна ученица, испытывавшая острейшую материальную нужду, признавалась, что у них с подругой головы заняты только одной мыслью – стать кинозвездами [Gorsuch, 1992, р. 193, 194]. Этот этап начинался примерно с 13 лет и достигал своего пика в 15-16 лет. Не менее 7% подростков в качестве своего главного идеала выбирали киноартистов. Мальчик писал киноактеру: «Я много о Вас слышал и видел, и наконец, решил пойти на смену Вам. Я стогаю желанием брать участие в кино и... по самые уши увлекся этим». Другая девочка пишет: «... если у меня на уме не школа, а другое (кино!), то я и стремлюсь к исполнению того, что мне хочется, а школа как не нужный предмет остается позади» [Лацис, Кейлина, 1927, с. 20; Одинцова, с. 19]. В этом тренде выбор Шуры Климовой был весьма типичен.

Вероятно, такое увлечение актерской профессией объясняется тем, что тогда кумирами многих школьников становились не персонажи киноактёров, а сами артисты. Дети могли забыть название фильма и имена его героев, но прекрасно помнили имена популярных актеров. В детском восприятии киноактер сливался с образом своего героя, и на вопрос о том, на кого из героев фильмов он хотел бы походить, лишь единицы называли Мишку из «Красных дьяволят» или Вакульниченко из «Броненосца Потемкина». Самым большим кумиром всех ребят независимо от пола был актер Дуглас Фербенкс. Мальчики увлекались им потому, что он «хороший трюкист», «ловкий, сильный, смелый, находчивый, остроумный, жизнерадостный». Девочки видели в нем идеал настоящего мужчины. Но больше всего они восхищались Мери Пикфорд, потому что она «милая и очень хорошая», умеет «очаровывать». Некоторые из них «хотели бы выйти замуж за Гарри Пиля». Многие восхищались Чарли Чаплиным, Бестером Кейтоном, Джекки Куганом, Игорем Ильинским, Пат и Паташоном и др. [Лацис, Кейлина, 1928, с. 23–24; Станчинская-Розенберг, 1927, с. 16–17].

Завершу погружение в киноконтекст 20-х гг. цитированием письма 15-летней Семеновой в Совкино с просьбой ответить на следующие вопросы: «1) Почему у актрис звучное и красивое имя и фамилия я слыхала, что актриса может переменить свое имя и фамилия правда или нет. 2) Если артисты живут в Москве, а им нужно снимать кино в Париже, то они подделывают дикарацию или же на самом деле ездят в Париж. Если да, то она очень счастливы и побывают везде. 3) Кому дают хорошие роли и кому плохие. 4) Говорят, что Ильинский где-то убился. Правда или нет. Если да, то очень жаль. 5) У нас говорят, что Мери Пикворд застрелилась, правда или нет. Если правда, то очень жаль. Я очень люблю смотреть кино с ее участием и вообще она мне очень нравилась. 6) Мне ужасно хочется увидеть хотя один раз следующих артистов: Мери Пикворд, Н. Ванчанзе, В. Харта, а особенно Ильинского. 7) Учат или нет кино-актрису танцам, играть на форте-пианино и катаются или нет кино-артисты на конях. Я бы ужасно хотела выучиться этому» [Лацис, Кейлина, 1928, с. 24–25].

Реакция на проект Шуры Климовой: pro et contra

Биографический сценарий Шуры Климовой вызвал большой резонанс в пионерской среде. В журнале были опубликованы явно не все письма. По инициативе М. Горького к Всесоюзному слету юных пионеров был в срочном порядке издан сборник писем по предварительным итогам дискус-

сии [Кем хотят быть..., 1929]. В нем И. Разин сообщает, что уже к августу 1929 г. в редакцию пришло свыше 500 откликов.

Читатели и деткоры «Пионера» с первых же откликов образовали два лагеря: союзников Климовой и её оппонентов. Впрочем, строгое разделение на два лагеря не в полной мере отражает ситуацию. В лагере сторонников Шуры были те, кто безоговорочно ее поддерживал («дай руку, дорогая Шура»), но были и те, смысл откликов которых сводился к следующему: «будь артисткой, но не мечтай о славе». Мои подсчеты по сборнику И. Разина показывают, что писем первой категории опубликовано всего 2, второй – 21, итого 23 письма в поддержку Климовой.

Из двух поддержавших Шуру пионерок показательно письмо 14-летней Луизы Литвиновой со ст. Павловск. Луиза пошла в своих устремлениях намного дальше Шуры: «... я решила сделать себя акробаткой. <...> Я... буду работать в цирке, заработаю много денег и работу брошу. Куплю себе хорошенький домик, рояль, трюмо, много ковров, кресел, диванов, огромную кровать и под потолок подушек. Потом найму несколько служанок: кухарку, прачку, дворника. Открою свою баню. В доме у меня будет свой телефон, радио и фисгармония. И я буду всегда развлекаться. <...> куплю большой дом, наберу беспризорников и буду их учить акробатике, а потом открою свой цирк, в который будут ходить зрители, и я буду получать деньги» [Кем хотят быть..., 1929, с. 16].

Письма сторонников Шуры «с оговорками» менее однозначны. Из 21 письма только в 4-5 заключена безоговорочная поддержка Климовой. Как правило, писавшие тоже хотели стать киноартистами и прекрасно понимали состояние души Шуры. Например, деткор И.Л. из Борисоглебска поддерживает выбор Климовой, однако приводит свою мотивацию – он не хочет, как Шура, стать известным актером во всем мире: «Нет, я хочу быть актером потому, что я очень интересуюсь работой в кино. <...> кино есть один из главных способов поднятия культурного уровня всего населения». А некая Фаня, которая тоже мечтает стать киноартисткой, делится своим горьким опытом: «Многие мои товарищи, а также и родные называют меня мещанкой, потому что я тоже думала и думаю быть киноартисткой. <...> разве все киноартисты мещане? ... разве нельзя стать труженицей киносьемок?» [Кем хотят быть..., 1929, с. 24–25, 27–28].

Однако встречается немало писем, где выражение поддержки Шуры на самом деле – только повод навязать ей свое, «правильное», мнение, основанное на противопоставлении советского и буржуазного образа жизни: «Ты мечтаешь чересчур о большом, о богатстве и чтобы ты была “звездой экрана”, но по-моему – это не пролетарские мысли, а вполне буржуазные. <...> Шура, если даже и станешь киноартисткой, то нашей, советской, а не Мэри Пикфорд, и будешь получать жалованье не по два миллиона долларов в год, а на которое можно будет себя содержать и свое семейство»; «... плохо то, что ты стремишься быть “известной во всем мире” и твое влечение за миллионами. <...> Да и лучше не получать столько денег. Получить надо столько, сколько нужно для своего существования. <...> Учиться надо не для того, чтобы получать большое жалование, а для того, чтобы бороться за лучшую жизнь для всех» [Кем хотят быть..., 1929, с. 20–23].

Авторы нескольких писем пытались по-взрослому, в рамках коммунистической идеологии, проанализировать ситуацию, призывали прекратить шельмование Шуры и направить ее на «правильный путь». Некто В. Г. из Александрова-Гая пишет, что «многие пионеры возмущены поведением “барнаульцев”, которые вместо того, чтобы поставить Шуру на правильный путь, отделили ее от себя, замавав разными кличками». А Коля из Воронежа высказался более резко: «Шура не виновна, ее вина зависела не от нее самой. Виновны, во-первых, плохие жизненные условия, нужда, которая окружала Климову, которая впоследствии и заставляла мечтать Климову не так, как нужно. <...> Она насмотрелась картин, начиталась вредных книг, и отряд плохо подействовал на Климову, он плохо воспитывал пионеров <...> Не будь письма, не было бы и критики. И ребята, девочки, думавшие так, как Климова, а их много, не подметили бы своей ошибки. Плохи те ребята, которые, хорошо не вдумавшись и не разобравшись, критикуют Шуру» [Кем хотят быть..., 1929, с. 18, 24–25].

Суть позиции противников Шуры и Луизы передана хрестоматийным выражением деткора «такие пионерки нам не нужны». В сборнике опубликовано 17 писем из этого лагеря. Однако небольшое их число не отражает дискуссионного накала. Впрочем, по тональности некоторые письма трудно отнести к разряду дискуссионных. Их авторы ограничивались наклеиванием ярлыков «буржуйка», «мещанка», «миллионерша», «институтка», которым место «за границей». Примечательно, что даже Шура назвала Луизу «настоящей буржуйкой» [Кем хотят быть..., 1929, с. 16].

В. Меркулова из с. Теляжье гневно вопрошает: «Где же ленинское воспитание, где забота не только о себе, но и об окружающих, где стремление участвовать в улучшении окружающей жизни? <...> Обращаюсь ко всем ребятам и пионерам: не берите пример с Климовой, а то нам не хватит ковров и роялей» [Пионер, 1929, с. 21]. Другое пламенное послание пришло от пионерки Раи Р-н из Одессы: «Шура, как видно, выпустила из виду, что Советский Союз стремится к уничтожению частной собственности! <...> Куда годятся такие пионеры?». З. Ф. из г. Овруча считает, что «если бы Шура стала ежегодно давать половину своего заработка на индустриализацию страны, то она была бы похожа на буржуя, который дарит СССР ползаработка». Досталось и Луизе Литвиновой. «Полный гнева» Д. Г. задается вопросом: «... построишь ли общество с литвиновыми? У ней мысли чисто буржуазной барышни». Н. К. из п/о Каменка пишет, что Литвинова «... не хочет быть трудящимся гражданином Советского Союза, а быть мещанкой, чтобы мягко спать, сладко пить и есть за счет эксплуатируемых детей беспризорных» [Кем хотят быть..., 1929, с. 35–36, 41–42].

Были письма более взвешенные и конструктивные, авторы которых пытались не только критиковать или воспитывать Шуру и Луизу, но и предложить им свой вариант самореализации. Клава из Сталинградского окр. советует Шуре «быть хорошим деревенским общественником-работником, а не славиться по всему миру киноактрисой». Деткор из Владикавказа пишет: «Разве вам в отряде не говорили, что лото и карты вред? Мой совет, Шура, брось мечтать о большом жаловании и киноактерстве, лучше ты <...> окончи школу и поступи учительницей или работать в каком-нибудь учреждении». Володя со ст. Сещинская не советует Шуре быть артисткой, потому что в них не нуждается в данный момент советское государство. «Это, Шура, чисто “мещанские отрывки”. Ты будешь пировать... когда будут чахнуть рабочие всего мира, получающие гроши. Тебе будут платить миллионы, ты будешь вся в золоте, а что же останется платить рабочим, служащему и т. д.». А. С. из Казани дает Шуре совет: «Налегай или на химию и физику, или естествознание и старайся избрать профессию или инженера, или техника, или педагога, тогда бы ты учась, была полезна Советскому государству, помогала бы строить и укреплять нашу страну, защищая ее от врагов». Миша Клоков из Новгорода дает Шуре практический совет старшего товарища: «Не жертвуй денег, которых у тебя нет, а займись распространением займа индустриализации. <...> Возьми хоть маленькую работу и учись на каких-либо заочных курсах» [Кем хотят быть..., 1929, с. 32–35, 40; Пионер, 1929, с. 21].

В № 21 журнала «Пионер» опубликован ответ Шуры на письма. Из него мы узнаем, что Шура подверглась стигматизации не только в журнале. В школе ее окрестили «миллионершей», в отряде – «Мэри Пикфорд». «Мои подруги отворачивались от меня, когда я к ним подходила, – пишет Шура. – В классе во время уроков и в отряде на сборах мне присылали записочки, в которых писали: “Уважаемая миллионерша, пожертвуйте на школу тышечок 15, что вам стоит?”, “очаровательная Мэри Пикфорд, когда же мы увидим вашу первую картину?” и т. д. <...> Самое непереносимое случилось 8 марта, в день работниц. Пришел с работы отец и сказал: “Ну, артистка, нашел я тебе дело (на железнодорожной станции. – А.Р.), авось, меньше выдумывать будешь”» [Кем хотят быть..., 1929, с. 43]. Шура пишет, что сначала хотела после этого броситься под поезд, затем решила убежать из дома. Она тайком на поезде добралась до Москвы. В столице девушка посетила редакцию «Пионера», а писатель Н. Богданов взялся даже хлопотать о ее поступлении в кинотехнику.

Шура признала в ответном письме некоторые свои ошибки, в частности, стремление получить двухмиллионную зарплату: «Ну я, правда, согласна, что два миллиона – это очень много. <...> Но все-таки для того, чтобы быть хорошей артисткой, нужно иметь очень много денег. <...> Я отчасти соглашаюсь с ребятами – лото, карты и танцы, если только ими заниматься – бесполезная вещь... Поэтому у меня в доме будет еще и библиотека, шахматы, и я буду заниматься спортом, для этого у меня будет хорошая черная-черная лошадь и всякие гимнастические приборы». Однако ее главная позиция осталась неизменной: «Насчет домашней обстановки ребята рассуждают совсем неправильно. Что же, по-ихнему, ковры, рояли и камини делаются только для буржуев? А трудящиеся ими пользоваться не могут? Я думаю, что социализм затем и строится, чтобы все жили хорошо, имели бы хорошую, уютную и веселую обстановку. Ведь при хорошей обстановке гораздо лучше работать, чем если жить в подвале, ходить по скрипучему полу и питаться впроголодь. А я хочу хорошо работать – лучше всех киноартисток в мире» [Кем хотят быть..., 1929, с. 46–47].

Кроме двух групп, выразивших противоположные взгляды на позицию Шуры Климовой,

была еще и третья, куда вошли пионеры, для которых предложенная журналом дискуссия стала лишь поводом публично заявить о себе, о своих жизненных и профессиональных устремлениях. Эта группа была самой многочисленной, только в сборнике было представлено от нее 71 письмо. Рамки статьи не позволяют уделить этой группе много внимания. Ограничусь перечислением некоторых рубрик, под которыми журнал опубликовал письма деткорей: «Хочу быть рабочим», «На смену шахтинским вредителям», «В бой за урожай», «Культуру в деревню», «Хочу защищать Советский Союз», «Буду ученым», «Против знахарей и бабок», «Мне нравится контора».

Пионерская дискуссия выявила, что желание стать киноартистом имеет каждый десятый ее участник (10,2%). Это был второй по количеству откликов показатель, уступавший только числу стремившихся стать техниками и агрономами (11,1%). На третьем месте по популярности находились инженеры (8,6%), далее шли писатели (8%), изобретатели и рабочие у станка (по 5,8%), военнослужащие (5,7%), ученые (4,2%). Работать в деревне хотели 3,3%, еще 3% желали заниматься сельским хозяйством. Столько же (3%) желали стать учителями, 2,8% – врачами, 1,4% – работать в колхозе [Кем хотят быть..., 1929, с. 12-13].

Любопытна мотивация выбора профессии. Например, пионерка Маша Петрова из с. Велисто в отличие от Шуры хотела стать учительницей. Гуманистическая и редкая для тех лет мечта оказалась не лишённой явно эгоистических устремлений: оказывается, Маша хотела беззаветно отдаваться школьной работе, чтобы после её смерти школе присвоили её имя [Школа моего имени, 1929, с. 20].

Опыт и уроки дискуссии (вместо заключения)

Резонанс, вызванный дискуссией, искусственно поддерживался редакцией журнала и его редактором И. Разиным. С точки зрения модерационных технологий в этом нет ничего необычного. Но агитпроповская сущность редакции журнала диктовала необходимость расстановки «правильных» акцентов. Казус Шуры был сразу же стигматизирован агитпропом как «климовщина», что означало «мещанские» настроения в молодежной среде: «Из них вырастают новые мещане, растут салтыковские помпадурсы, грибоедовские Молчалины, чеховские чиновники и гоголевские Хлестаковы» [Кем хотят быть..., 1929, с. 89].

Пионерам всей страны показали, как надо правильно думать и высказываться публично, а что лучше не предавать огласке. Через дискуссию в детях вырабатывали стремление жить по цитатам вождей, следовать установке: лучше соблюдать правила, чем не соблюдать их. Редакция приняла на себя роль арбитра, не только комментируя с определенным идеологическим подтекстом высказывания корреспондентов, но и сообщая персонально каждому деткору, *правильно* ли он выбрал профессию. В этом я вижу один из каналов проникновения в детскую среду нарождающегося тоталитарного дискурса с его ритуализованной речевой сферой, когда оппозиция истина – ложь подменяется оппозицией правильно – неправильно [Вахтин, Головкин, 2004, с. 205-206].

Не переоценивая достижений журнала «Пионер» в построении общества диалога в довоенные годы, стоит заметить, что история этой пионерской дискуссии позволяет подвергнуть сомнению постулат о централизованной и пирамидальной коммуникационной системе в СССР применительно к детскому коммуникационному пространству. Редакционная политика журнала в 1920-е гг. проявилась в создании своеобразной «решеточной сети», охватившей читательскую аудиторию: информация циркулировала не только вертикально, по каналам «редакция–аудитория» и «аудитория–редакция», но и горизонтально по каналу «читатель–читатель» (журнал в таком случае выполнял медиатора в коммуникационной цепочке).

Анализ взаимодействия двух коммуникационных полей – «больших нарративов» власти («тоталитарный дискурс») и детских «малых нарративов» («субкультурный дискурс») показал, что дети оказались в чем-то более продвинуты, чем власть. Советский мегапроект «сверху» еще не был четко определен партийной элитой, но персональный проект был у многих пионеров и школьников. Насколько они совпадали, показала пионерская дискуссия, обнажившая культурный синдром коллективизма/индивидуализма в детском коммуникационном пространстве. Она позволила выделить два культурных типа советских школьников – «буржуазно-демократический» и «уравнительно-социалистический». Если ментальные установки одной части пионеров (сторонников Шуры и Луизы) были связаны с такими культурными темами, как личный интерес, индивидуальная ответственность и материальный успех, то у другой части юных ленинцев – с идеями коммунизма, равенства и справедливости. Первые были свободными гражданами в несвободной стране, вторые ощущали

их идентичность с советским режимом. Климовы и литвиновы жили с самоопределением «изменить мир», выйти за рамки обстоятельств. Их оппоненты были запрограммированы «изменить себя», подстроив под советские нормы. Ролевая дистанция таких пионеров, как Шура и Луиза, раздражала и пугала партийную элиту. Вероятно, потому редактор И. Разин так горячо призывал взрослую «общественность» «ударить по климовским настроениям», которые он считал серьезным препятствием на пути к формированию нового советского человека.

На мой взгляд, не стоит ограничивать понимание значения пионерской дискуссии только формальными рамками выбора профессии. В те годы даже у редакции журнала было несколько пластов его понимания (утилитарный, идеологический, воспитательный). Мне представляется, что главное здесь – реакция детской аудитории на опубликование приватного, на откровения их сверстников, предложенные редакцией для всеобщего обсуждения. Дискуссия показала, что в детском коммуникационном пространстве к тому времени уже существовал вполне развитый социальный контроль, сопровождавшийся применением негативных санкций в отношении «мальчиков и девочек для битья». Вопрос «Кем быть?» на самом деле для многих пионеров подразумевал более глубокий вопрос «Как жить?». Многие из этих детей конформно приняли взрослую метафору игры, стремясь сбалансировать дихотомию «внешний контроль – самоконтроль». Вместе с тем здесь нельзя не заметить массовой презентации многих деткоров, их желания просто сообщить о себе, о своих проблемах, приобщиться к категории чем-то известных людей. Их родители не имели такой возможности. Теперь настало их время – время новых героев. В конце 20-х «великий перелом» произошел не только в деревне, но и в габитусе нового поколения. По сути, с этого момента начинается в полном смысле история *homo soveticus*. На фоне этой пионерской дискуссии раннесоветское общество отчетливо предстает как многомерное, с изначально неопределёнными векторами развития.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-01-00345а «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, “детские тексты”».

² Об этом случае я кратко упоминал в своей монографии. См.: *Рожков*, 2002, т. 1., с. 148-150.

³ Настоящее имя и фамилия – Глэдис Мэри Смит (1892–1979), выдающаяся американская киноактриса, легенда немого кино. Обладательница премии «Оскар» (1930).

⁴ *Живгаз* – живая газета – представление, основанное на газетном материале или на злободневных фактах жизни, вид художественной агитации. В 1923 г. появилась первая профессиональная «живая газета» – «Синяя блуза».

⁵ Текст статьи П.Н. Колотинского был написан до случая с Ш. Климовой.

⁶ Свою гипотезу Д. Макклелланд подтвердил путем проведения контент-анализа народных сказок 39 дописанных обществ.

⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 212. Л. 3.

⁸ Более подробно о влиянии зарубежного кинематографа на детей см.: *Люблинский*, 1925.

Библиографический список

Азбукин Д. Психология школьников в начале Октябрьской революции // Педол. журн. 1923. № 3.

Алексеева М.И. Российские журналы для детей (1920-е годы) : метод. указания к специальному семинару для студентов ред.-изд. отделения. URL: <http://www.detlitlab.ru/?cat=11&text=31> (дата обращения: 14.04.2013).

Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.

Балашов Е.М. Педология в России в первой трети XX века. СПб., 2012.

Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Гельмонт А.М. Изучение детского кинозрителя. М., 1933.

Добренко Е. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Карасик В.И. и др. Иная ментальность. М., 2005.

Кем хотят быть наши дети : сб. детских писем для отцов / сост. И.М. Разин. М.; Л., 1929.

Кем я хочу быть // Пионер. 1929. № 2.

- Кино – дети – школа : метод. сб. по киноработе с детьми / под ред. А.М. Гельмонта. М., 1929.
Колотинский П.Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов // Тр. Кубан. пед. ин-та. 1929. Т. 2–3.
Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.
Крылов С. Вопросы кино (К предстоящему партийному съезду) // Революция и культура. 1928. № 3–4.
Лацис А., Кейлина Л. Дети и кино / под ред. Е. Угаровой. М., 1928.
Люблинский П.И. Кинематограф и дети. М., 1925.
Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.
Медик Х. Микроистория // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем : альманах. М., 1994. Вып. 4.
Мацумото Д. Психология и культура : пер. с англ. СПб., 2002.
Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
Одинцова Л. Идеалы и интересы учащихся трудовых школ г. Москвы // Вестник просвещения. 1927. № 4.
Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея. Лекция четвертая // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды : пер. с исп. М., 2000.
Пионер. 1929. № 2, 3, 6-9, 18, 19, 21, 23.
Рапай К. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему : пер. с англ. М., 2008.
Родионов В.Д. Школьная стенгазета // Тр. Кубан. пед. ин-та. 1929. Т. 2–3.
Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов : в 2 т. Краснодар, 2002.
Рыбников Н.А. Интересы современного школьника. М.; Л., 1926.
Смирнов В.Е. Психология юношеского возраста. М.; Л., 1929.
Советский школьник: по работам I Педологического съезда / под ред. Н.А. Рыбникова. М., 1929.
Станчинская-Розенберг Э. Влияние кино на школьника // Вестник просвещения. 1927. № 2.
Триандис Г. К. Культура и социальное поведение : пер. с англ. М., 2007.
Школа моего имени // Пионер. 1929. № 8.
Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17, № 2.

Дата поступления рукописи в редакцию 17.06.2013

“I WANT TO BE A MOVIE ACTRESS”: REFLECTIONS ON ONE PIONEER DISCUSSION (1929)

A.Yu. Rozhkov

Kuban State University, 350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149, Russia
avro14@mail.ru

Children’s communicative space of the readers of the “Pioneer” journal and the use of the media in the late 1920s is described and interpreted through the example of the discussion "Whom I want to be".

The discussion began when a pioneer from Barnaul Shura Klimova wrote to the editor-in-chief that she wanted to become a movie star and to earn 2 million dollars per year, as Mary Pickford did. Shura also wanted to build the private house with fireplace, carpets and a grand piano. Shura Klimova's biographic scenario caused a huge response from the pioneers. Over 500 letters came to the editorial office of the “Pioneer” journal.

Two big camps were designated among the readers of the “Pioneer” such as Klimova's allies and her opponents. The most part of the letters reflected life projects of schoolchildren. Many of them wanted to become engineers, pilots, technicians and agronomists but every tenth correspondent wanted to become a movie star as well as Shura. This discussion showed two various cultural types of the Soviet schoolchildren – “bourgeois and democratic” and “egalitarian and socialist” ones.

The editorial office of the journal obviously supported the second camp and stigmatized the first one. The senior companions demonstrated to pioneers that it was necessary to think politically correctly and the totalitarian discourse and external social control were formed in that way. In the late 1920s “the Great return” occurred not only in the village, but also in habitus of a new generation.

Key words: Soviet childhood, the “Pioneer” journal, children's interests and ideals.

References

- Azbukin D.* Psikhologiya shkol'nikov v nachale Oktyabr'skoy revolyutsii // Pedol. zhurn. 1923. № 3.
- Alekseeva M.I.* Rossiyskie zhurnaly dlya detey (1920-e gody) : metod. uka-zaniya k spetsial'nomu seminaru dlya studentov red.-izd. otdeleniya. URL: <http://www.detlitlab.ru/?cat=11&text=31> (data obrashcheniya: 14.04.2013).
- Balashov E.M.* Shkola v rossiyskom obshchestve 1917–1927 gg.: Stanovlenie «novogo cheloveka». SPb., 2003.
- Balashov E.M.* Pedologiya v Rossii v pervoy treti KhKh veka. SPb., 2012.
- Vakhtin N.B., Golovko E.V.* Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. SPb., 2004.
- Gel'mont A.M.* Izuchenie detskogo kinozritelya. M., 1933.
- Dobrenko E.* Formovka sovetskogo chitatelya: Sotsial'nye i esteticheskie retseptsii sovetskoy literatury. SPb., 1997.
- Karasik V.I. i dr.* Inaya mental'nost'. M., 2005.
- Kem khotyat byt' nashi deti : sb. detskikh pisem dlya ottsov / sost. I.M. Ra-zin. M.; L., 1929.
- Kem ya khochu byt' // Pioner. 1929. № 2.
- Kino – deti – shkola : metod. sb. po kinorabote s det'mi / pod red. A.M. Gel'monta. M., 1929.
- Kolotinskiy P.N.* Opyt dlitel'nogo izucheniya mirovozzreniya uchashchikhsya vypusknnykh klassov // Tr. Kuban. ped. in-ta. 1929. T. 2–3.
- Kon I.S.* Muzhchina v menyayushchemsya mire. M., 2009.
- Krylov S.* Voprosy kino (K predstoyashchemu partiynomu s'ezdu) // Revo-lyutsiya i kul'tura. 1928. № 3–4.
- Latsis A., Keylina L.* Deti i kino / pod red. E. Ugarovoy. M., 1928.
- Lyublinskiy P.I.* Kinematograf i deti. M., 1925.
- Maklelland D.* Motivatsiya cheloveka. SPb., 2007.
- Medik Kh.* Mikroistoriya // THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem : al'manakh. M., 1994. Vyp. 4.
- Matsumoto D.* Psikhologiya i kul'tura : per. s angl. SPb., 2002.
- Mid M.* Kul'tura i mir detstva. M., 1988.
- Odintsova L.* Idealy i interesy uchashchikhsya trudovykh shkol g. Moskvy // Vestnik prosveshcheniya. 1927. № 4.
- Ortega-i-Gasset Kh.* Vokrug Galileya. Lektsiya chetvertaya // Ortega-i-Gasset Kh. Izbr. trudy : per. s isp. M., 2000.
- Pioner. 1929. № 2, 3, 6-9, 18, 19, 21, 23.
- Rapay K.* Kul'turnyy kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu : per. s angl. M., 2008.
- Rodionov V.D.* Shkol'naya stengazeta // Tr. Kuban. ped. in-ta. 1929. T. 2–3.
- Rozhkov A.Yu.* V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir molodogo cheloveka v sovetskoy Rossii 1920-kh godov : v 2 t. Krasnodar, 2002.
- Rybnikov N.A.* Interesy sovremennogo shkol'nika. M.; L., 1926.
- Smirnov V.E.* Psikhologiya yunosheskogo vozrasta. M.; L., 1929.
- Sovetskiy shkol'nik: po rabotam I Pedologicheskogo s'ezda / pod red. N.A. Rybnikova. M., 1929.
- Stanchinskaya-Rozenberg E.* Vliyanie kino na shkol'nika // Vestnik pro-sveshcheniya. 1927. № 2.
- Triandis G. K.* Kul'tura i sotsial'noe povedenie : per. s angl. M., 2007.
- Shkola moego imeni // Pioner. 1929. № 8.
- Gorsuch A.E.* Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. 1992. Vol. 17, № 2.